

Юлия Красносельская

Непротивление злу в эпоху военных альянсов

(ФРАНКО-РУССКИЕ ТОРЖЕСТВА 1893 ГОДА
В ОЦЕНКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ)

Yulia Krasnoselskaya

Non-Resistance to Evil in the Age of Military Alliances
(The Franco-Russian Celebrations of 1893 in the Assessment of Leo Tolstoy and His Supporters)

Юлия Игоревна Красносельская (МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент; кандидат филологических наук) jullkra@yandex.ru.

Yulia Krasnoselskaya (PhD; Associate Professor, Lomonosov Moscow State University) jullkra@yandex.ru.

Ключевые слова: франко-русский союз, война, ненасилие, изоляционизм

Key words: Franco-Russian alliance, war, nonviolence, isolationism

УДК: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_154

UDC: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_154

В статье рассмотрена реакция русских публицистов на прибытие русской эскадры во Францию в 1893 году и на переговоры России и Германии по поводу торгового договора. В центре внимания оказывается вопрос о том, были ли эти события знаком «разрядки», минимизирующей риск военных конфликтов, или свидетельством нарастания международной напряженности. Анализируется отклик на события Л.Н. Толстого («Христианство и патриотизм»), а также разделявших в это время его взгляды Н.С. Лескова («Загон») и М.О. Меньшикова («Китайская стена»). Хотя этих публицистов роднили сомнения в миролюбии России, в вопросе о способах противостояния милитаризму и изоляционизму они не были единодушны: Толстой видел спасение в непротивлении злу силой, тогда как Лесков эту идею не поддерживал, а Меньшиков со временем превратился из ее последователей в критики.

In this article, we examine the reaction of the Russian press to the reception of the Russian squadron in France in 1893 and to Russian-German trade agreement negotiations. The focus is on the question of whether these events were signs of “détente,” minimizing the risk of military conflicts, or evidence of rising international tension. Leo Tolstoy’s response to the events (“Christianity and Patriotism”), as well as Nikolai Leskov (“The Corral”) and Mikhail Menshikov (“The Wall of China”), who also shared his views at the time. Although these writers were united by doubts about Russia’s peacefulness, in regards to the question of the means to counter militarism and isolationism, they had differing views. While Tolstoy saw salvation in nonviolence, Leskov did not support this idea, and Menshikov with time transformed from its follower to its critic.

Прибытие русской эскадры во французский Тулон, а затем в Париж в октябре 1893 года ознаменовалось грандиозными торжествами. Французы, дважды в XIX веке воевавшие с Российской империей, встречали русских моряков как братьев, не скупясь на подарки, застолья и иллюминации. Как сообщал петербургский «Правительственный вестник», в день прибытия эскадры в Тулон

по всему городу царило такое оживление, какого не бывало в нем ни в какие, даже наиболее торжественные дни истории тулонского порта. <...> По сведениям па-

рижских газет, еще за пять дней до прибытия русской эскадры число приезжих, съехавшихся в Тулон со всех концов Франции, доходило до 60 тысяч¹.

Франко-русский праздник объявлялся «беспримечательным в истории событием», ознаменовавшим «решительный поворот в направлении общеевропейской политики, — поворот, основанный на мощном согласии двух великих народов стоять на страже интересов мира»². Значение этого события не сводилось к политическому, поскольку оно якобы меняло сами принципы взаимоотношений между народами: как утверждал редактор газеты «Le Temps» Эрбар, «в этой прекрасной исторической помолвке Франции и России впервые в политику вмешалась любовь» (цит. по: [Рыбаченок 2004: 89—90]). Однако что скрывалось за цветистыми метафорическими конструкциями? Насколько оправдывали себя авансы, которые расточались представителями обеих наций по отношению друг к другу? Как будет показано в первом разделе работы, в 1880—1890-е годы многие представители общественности верили в то, что человечество движется к «невозможности самого ведения войны»³, поскольку новая война обещала стать несопоставимой с предыдущими по своей разрушительности, человеческим жертвам и социально-экономическим пертурбациям. Тулонский праздник, преподносившийся публике в пацифистском ключе, казалось, придавал старым утопическим идеям «вечного мира» более реалистическое обоснование, объединял представителей общественности и власти в одном миролюбивом порыве и позволял надеяться на совершенствование принципов международной политики, на придание ей более гуманного характера. Однако, как полагают историки, складывающаяся в это время блоковая система государств и совместное военное планирование стали бомбой замедленного действия, подготовившей глобальные войны XX столетия (см.: [Hobsbawm 1987]). В 1890-е годы последствия нового расклада сил были, правда, еще неясными; более того, допускалось, что военные альянсы необходимы скорее для предотвращения войн, а не для их развязывания. И все же особенность тулонского праздника состояла в напряжении между его декларируемым мирным характером и военной подоплекой, которая для кого-то служила гарантией мира, а кому-то, напротив, подтверждала риторический характер рассуждений о грядущем «царстве мира». Во втором разделе работы мы поговорим о критиках дискурса о миролюбии России, предчувствовавших будущие угрозы и предлагавших иные способы объединения народов. Мы обратимся к знаменитой теории непротивления злу силой Л.Н. Толстого, которая рассматривалась им как более действенная и подлинно христианская альтернатива двусмысленным военным соглашениям. Толстой не мог не отреагировать на тулонский праздник, в своей работе «Христианство и патриотизм» вскрыв идеологическую подмену, которая происходила в процессе присвоения пацифистских идей агрессивно настроенными силами. Вступая в конфронтацию с одобрявшим франко-русский союз общественным мнением, Толстой в то же время обрел союзников в лице Н.С. Лескова и М.О. Меньшикова, также полагавших, что современные события скорее изолируют Россию,

1 Правительственный вестник. 1893. № 217. 3 октября.

2 Правительственный вестник. 1893. № 230. 19 октября.

3 Блюх И.С. Будущая война, ее экономические причины и последствия // Русский вестник. 1893. № 2. С. 188.

чем интегрируют ее в содружество европейских государств. Их публичные высказывания о событиях 1893 года («Загон» и «Китайская стена» соответственно) отчасти стимулировали работу Толстого над «Христианством и патриотизмом». Однако, как будет продемонстрировано в заключительном разделе, близость публицистов оказалась неполной, поскольку теория непротivления злу трактовалась сподвижниками Толстого своеобразно: Меньшиков, страстно отстаивавший этот принцип, стал позднее его ярким противником, а Лесков находил у Толстого примеры деятельного протivления злу, что объяснимо с учетом колебаний автора «Христианства и патриотизма» в вопросе о том, органична ли готовность к непротivлению или же она требует дополнительной работы индивида по самосовершенствованию. Анализ внутренней амбивалентности центральной толстовской идеи и ее рецепции теми, кто также скептически оценивал современные внешнеполитические усилия по поддержанию баланса сил в Европе, в какой-то степени позволит осмыслить степень прочности оснований гуманистической этики и ненасильственных практик на заре «века империи».

1

Тулонский праздник был одной из вех в курсе на сближение России и Франции, который увенчался в 1897 году публичным заключением франко-русского союза. Подготовка союза долгое время шла негласно во избежание конфликта с Германией, представлявшей после победы во франко-прусской войне 1870—1871 годов главную угрозу Франции. Воодушевление французов от прибытия русской эскадры прежде всего и объяснялось верой в то, что у них наконец появился надежный защитник. Однако нежелание раздражать Германию, заключившую союз с Австро-Венгрией и Италией, заставляло Францию и Россию ретушировать антигерманский подтекст праздника. Газеты писали о том, что при встрече эскадры почти не было провокативных выкриков, а когда таковые случались, публика выдавала крикунов полиции⁴. Еще более осторожно вела себя Россия. Лавировать между Германией и Францией ее заставляла не только историческая близость правящего дома к немецким княжествам, но и ощущение своей изолированности, военно-технической отсталости и социально-экономические проблемы вроде недавнего страшного голода. Нестабильность усиливала русско-немецкая тарифная война, которая к 1893 году приобрела столь острый характер, что в сентябре для ее прекращения в Германию была направлена русская делегация. Французский праздник велся на фоне этих переговоров, что придавало ему характер антинемецкого вызова, несмотря на усилия скрыть это (см.: [Рыбаченок 2018]).

Как известно, в силу взвешенной внешней политики Александр III вошел в историю как царь-миротворец. Военные альянсы и договоры должны были стать гарантией и от нестабильности в мире в целом. При подготовке проекта соглашения с Францией в 1891 году Россия настояла на том, что взаимопомощь будет оказываться не только в случае нарушения мира в Европе одной из держав Тройственного союза, но и при нарушении «всеобщего мира»

4 См., например: Вестник Европы. 1893. № 11. Иностранное обозрение. С. 396; Неделя. 1893. № 42. 17 октября.

(см.: [Манфред 1975: 326—329]). Многозначность слова «мир» в русском языке позволяла обыгрывать нюансы выражения «стоять на страже интересов мира»: как уточняет автор «Правительственного вестника», это означает обеспечивать «спокойствие народов» и «преуспеяние их мирного труда», то есть мир понимается и как совокупность государств, и как отсутствие военных конфликтов⁵.

Если в устах профессиональных военных и дипломатов рассуждения о «всеобщем мире» носили характер тактический, то представители общественного мнения и академического сообщества были готовы обсуждать эту идею серьезно (см.: [Хевролина 2018]). Правовед Л.А. Камаровский в книге «О международном суде» (1881) находил в истории подтверждения того, что «человеку прирождена потребность гармонии, справедливости и мира»⁶, доказывая, что даже в древних обществах, на практике не знавших мира, зарождались миролюбивые проекты. Франко-прусская война заметно активизировала их обсуждение в 1880—1890-е годы. Публицист Л.З. Слонимский замечал, что характеристическую черту современного положения Европы составляет «двойственное напряженное состояние между миром и войною»⁷: с одной стороны, государства усиленно вооружаются, вводят всеобщую воинскую повинность, ведут тарифные войны и даже философы утверждают неизбежность войн при помощи естественно-научных теорий вроде «социального подбора». С другой же — «война не соответствует уже нынешнему положению дел в Европе; она лишлась прежних побудительных причин и не имеет других, равносильных»⁸. Даже наращивая вооружения, государства, не исключая Германии, позиционируют себя как миролюбивые, вынужденные лишь принимать меры против растущей агрессивности соседей, то есть никто не хочет брать на себя роль нападающего. Как утверждал экономист и борец за мир И.С. Блюх в работе «Будущая война, ее экономические причины и последствия», ставшей основой монументального шеститомного труда «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», будущая война будет пагубной как для побежденных, так и для победителей; она приведет на поле брани целые народы, примет затяжной окопный характер и сможет разрушить общественный строй в воюющих государствах⁹. Но как предотвратить войну, при помощи каких сил? Камаровский, например, делал ставку на реформу процессуального международного права и развитие правовых институтов. По его мнению, создание международных третейских судов, а в перспективе и верховного международного суда, жесткое регулирование объявления войны на уровне отдельного государства и другие меры вроде разоружения позволят удерживать мир от таких бесосновательно начатых войн, как франко-прусская¹⁰. Характерно, что в 1890-е годы регулярно проводятся Всемирные конгрессы мира и учреждается Нобелевская премия мира (см.: [Hobsbawm 1987]). Пацифисты возлагали надежды и на массы: как писал Слонимский, если общественное

5 Правительственный вестник. 1893. № 230. 19 октября.

6 Камаровский Л.А. О международном суде. М.: Тип. Т. Малинского, 1881. С. 288.

7 Слонимский Л.З. Основные вопросы политики. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. С. 71.

8 Там же. С. 93.

9 См. Блюх И.С. Будущая война, ее экономические причины и последствия // Русский вестник. 1893. № 2—12.

10 См. Камаровский Л.А. О международном суде.

мнение и пресса поддаются подчас воинственному настроению, то таковое не свойственно населению в целом, особенно сельскому¹¹. Усиление пацифистских настроений в общественном пространстве могло быть связано с изменением представлений о том, какие силы определяют ход истории. Как замечал С.Н. Южаков, если раньше исследователи судеб народов обращали внимание на полководцев и царедворцев и история состояла из «ряда войн, кровопролитных побоищ, геройских подвигов, победных торжеств, мирных или союзных договоров», то теперь мыслители «доказали, что благосостояние, прогресс, само политическое значение государств зависят от иных, прежде почти игнорированных явлений. Началось исследование культуры, изучение внутреннего состояния и строения обществ»¹². Почву для таких суждений создавали концепции разнообразных мыслителей от Бокля, переключившего внимание с роли личности в истории на роль общественного мнения, до Маркса, подчеркивавшего историческую роль трудящихся, сплавляемых общими социально-экономическими задачами поверх национальных барьеров. Хотя такая смена акцентов не обязательно позволяла надеяться на снижение частоты и градуса накала межгосударственных конфликтов (к примеру, теория Н.Я. Данилевского делала их неизбежными по причине несовместимости разных культурных типов), вера в гуманистическую миссию интеллигенции и сосредоточенность народных масс на частных интересах нередко коррелировала с оптимистическим настроением в вопросе о преодолении напряженности в Европе и мире.

В подобном ключе пресса оценивала и тулонское «торжество дружбы». «Вестник Европы» указывал, что в республиканской Франции впервые «великий вопрос практической международной политики выдвигается и решается не кабинетными совещаниями и переговорами, а... массами свободного самоуправляющегося народа, сознающего свои права и интересы»¹³. «Неделя» отмечала развитие образования и демократии в Европе, хотя и высказывала опасение, что эти естественные процессы могут быть задержаны внезапной военной катастрофой по ничтожному поводу¹⁴. Миролюбие французов и русских и воинственность немцев, итальянцев и других «только что освободившихся» народов газета объясняла «общим историческим законом», по которому «зрелые политические организмы теряют свою воинственность и более склонны к внутреннему развитию, тогда как молодые, как бы растущие, отличаются задорным и даже буйным характером»¹⁵. Но даже англичане, итальянцы и немцы, поначалу с опасением или скептически оценивавшие праздник, в итоге признали его, как констатировал «Правительственный вестник», мирной манифестацией, не представляющей для них угрозы¹⁶. Все это позволяло утверждать, что

трогательный порыв братства, который чувствуется во франко-русских торжествах, так прекрасен, что должен подвинуть и другие народы к тому, чтобы сделать

11 См. *Слонимский Л.З.* Основные вопросы политики. С. 93.

12 *Южаков С.Н.* Вопросы гегемонии в конце XIX века // *Русская мысль.* 1885. № 3. С. 123.

13 *Вестник Европы.* 1893. № 11. Иностранное обозрение. С. 397.

14 *Неделя.* 1893. № 40. 3 октября; № 41. 10 октября.

15 *Неделя.* № 40. 3 октября.

16 *Правительственный вестник.* 1893. № 220. 7 октября.

хоть один шаг на пути к примирению и решению величайшего вопроса на земле — упразднению войн¹⁷.

2

Итак, осень 1893 года описывалась прессой как праздник мира и сердечного согласия народов. Однако этот дискурс был подвергнут критике со стороны ведущих русских писателей: Толстой окрестил происходящее «психопатической эпидемией»¹⁸, а Лесков — «океаном глупости»¹⁹. Оба посчитали необходимым осмыслить события в публицистической форме: «Загон» Лескова и «Христианство и патриотизм» Толстого можно рассматривать как два варианта интерпретации одного сюжета, подобно тому как были написаны их «Час воли Божией» и «Три вопроса» соответственно. Впрочем, как в том, так и в другом случае писатели, взявшись за общую тему и отталкиваясь от общего источника, предсказуемо разошлись в ее трактовке.

8 октября 1893 года Лесков сообщил Толстому:

Написал я всего листка 2—3 иллюстраций к превосходной статье Меньшикова «о китайской стене». Статья называется «Загон». Эпиграф ей из Тюнена об «Уединенном государстве». Там все картины, что было в «загоне» «у своего корыта», когда мы особились, и что опять заводится теперь²⁰.

В тот же день Толстой начинает писать «Христианство и патриотизм», реагируя, видимо, в том числе на ту же «Китайскую стену» Меньшикова, опубликованную в «Неделе» 12 сентября. В письме редактору газеты П.А. Гайдебурову Толстой назвал эту статью «добрым поступком»²¹. Она была посвящена русско-немецким переговорам, но, как уже отмечалось, те воспринимались в том же внешнеполитическом ряду, что и тулонский праздник. Подобно Слонимскому, видевшему в запретительной таможенной системе свидетельство милитаризма, Меньшиков, комментируя позицию русских шовинистов, призывавших к торговому разрыву с Германией, заявлял об «общем крайне опасном настроении в Европе, кошмаре милитаризма, от которого давно жаждут освободиться истомленные народы»²². Предстоящая «слишком шумная» тулонская встреча, по его мнению, обостряла эту общую опасность²³.

При этом Меньшиков, за чьими публикациями с большим интересом следили в это время Толстой и Лесков, сам находился в 1890-е годы под влиянием Толстого, с которым познакомился лично вскоре после выхода «Китайской стены». В отличие от Лескова, также увлеченного идеями Толстого, Меньшиков разделял и положения теории непротивления злу насилием, которая была положена во главу угла толстовского вероучения. Напомним, что, согласно этой теории, христианин вправе сопротивляться насилию лишь при

17 Неделя. 1893. № 41. 10 октября.

18 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 39. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956. С. 36.

19 Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1978. С. 287.

20 Там же. С. 283.

21 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 66. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1953. С. 397.

22 [Меньшиков М.О.] Китайская стена // Неделя. 1893. № 37. 12 сентября.

23 Там же.

помощи разумного убеждения того, кто участвует в насилии, а если таковое не сработает, то он предпочтет «лучшим нести страдания от насилия, чем участвовать в нем»²⁴, как сказано в программном «Конце века» (1905). Только ненасилие позволит освободиться от двух главных зол современности — войны и земельной собственности, а также от государства как источника соответствующих практик/институтов. Поэтому в 1893 году Толстой не мог не отреагировать на использование пацифистской риторики правительственной прессой. Разбирая в «Христианстве и патриотизме» публикации «Сельского вестника», «газеты, издаваемой русским правительством для народа»²⁵, он приходит к выводу, что праздничная экзальтация и демонстрация франко-русской симпатии прикрывали агрессивную мысль, выраженную «неосторожным человеком, тотчас же убранным полицией», который «крикнул то, что думали все, а именно “À bas l'Allemagne!”»²⁶. Раздражение писателя вызывает именно соединение идей войны и мира, идея охраны мира при помощи военного альянса: хотя не было «ни одной речи, ни одной статьи, в которых не говорилось бы о том, что цель всех этих бывших оргий есть мир Европы», торжества внушали скорее «необходимость, законность, выгодность и даже доблесть войны»²⁷. Двучленный смысл праздника подтверждается, по мысли Толстого, самим выделением русского и французского народов в категорию миролюбцев, что неизбежно противопоставляет их другим народам, в которых, соответственно, видится враг, чужой. Патриотизм оборачивается изоляционизмом, поскольку обособляет определенную территорию как государственную и требующую защиты от внешних захватчиков, хотя такое пространственное разграничение чуждо естественным представлениям и интересам людей:

Человеку из народа всегда совершенно все равно, где проведут какую границу и кому будет принадлежать Константинополь... но ему всегда очень важно знать, сколько ему придется платить податей, долго ли служить в военной службе, долго ли платить за землю²⁸.

Идея национальной или имперской территории, утверждал Толстой, враждебна христианскому идеалу, спланивающему людей всех национальностей: патриотизм же «требует от людей прямо противоположного тому, что составляет идеал нашей религии и нравственности, не признания равенства и братства всех людей, а признания одного государства и народности преобладающими над всеми остальными»²⁹. Таким образом, миролюбие и ненасилие предполагают отказ от идеи нации и государственных границ. Именно это убеждение, судя по всему, объясняет симпатию Толстого к «Загону» и «Китайской стене», в которых говорится о культе уединенности как центральной российской проблеме.

Так, «Загон» Лескова начинается с цитаты из статьи Меньшикова, задающей почву для дискуссии:

24 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 36. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1936. С. 248.

25 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 42.

26 Там же. С. 41. В тексте приводится выражение «Долой Германию!» (фр.).

27 Там же. С. 41, 43.

28 Там же. С. 53.

29 Там же. С. 61.

В конце сентября 1893 года в заседании Общества содействия русской промышленности и торговле один оратор прямо заговорил, что «Россия должна обособиться, забыть существование других западноевропейских государств, *отделиться от них китайскою стеною*»³⁰.

Хотя эта фраза была произнесена по поводу торгового разрыва с Германией, оба публициста смотрят на идею обособления расширительно. Меньшиков вспоминает «целые школы русской общественной мысли» (Данилевского, К.Н. Леонтьева, М.Н. Каткова), выдвинувшие «философские и государственные системы в защиту нашей национальной замкнутости»³¹, а Лесков говорит о печальном свойстве русского народа в целом смотреть с опаской или презрением на все заграничное, в результате чего он становится «дик и зол»³². Эта мысль подтверждается серией анекдотов, например о «замысловатом ответе» крестьянина на вопрос об удобстве английского плужка Смайля. Хотя изоляционизм у Лескова чреват прежде всего невежеством, он может вести и к насилию, пробуждая в человеке самые темные инстинкты, что подтверждают жуткие пензенские сцены «Загона».

Таким образом, у Лескова и Меньшикова чувство национальной исключительности поддерживается не только правительственными агентами, но и усилиями интеллигенции и масс. Толстой же считает его искусственным для народа, которому в норме присущи отзывчивость и уважительное отношение к тому, что может быть взято на вооружение из европейского опыта. Если у Лескова «просвещенный ум Перовского не знал, как отшутить невежественному мужику его шутку»³³, что говорит о торжестве русской дикости над европейским просвещением, то у Толстого в «Христианстве и патриотизме» присутствует зеркальная сцена: автор описывает, как его приятель накануне польского восстания убеждал старосту в необходимости войны с Францией, якобы стоящей за польскими инсургентами, однако получил неожиданный мудрый ответ:

— Да ведь вы сами говорите, что у них лучше нашего устроено, — сказал староста совершенно серьезно. — Пускай бы они так у нас устроили.

И приятель мой рассказывал мне, что рассуждение это так поразило его, что он решительно не знал, что ответить, и только засмеялся, как смеются люди, проснувшись от обманчивого сна³⁴.

«Западничество» русского мужика, заставляющее вспомнить размышления Левина о призвании варягов в восьмой части «Анны Карениной», на поверку является данью здравому смыслу и верностью христианскому идеалу солидарности народов. Точнее, признается Толстой, русский человек не испытывает особенной любви к французу точно так же, как и ненависти к немцу; впрочем, эти напускные чувства могут родиться в нем вследствие государственной пропаганды и одурманивания силой общественного мнения, выражаемого «школой, церковью, печатью»³⁵. В изображении механизма действия этой силы

30 Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 9. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. С. 356.

31 [Меньшиков М.О.] Китайская стена.

32 Лесков Н.С. Собр. соч. Т. 9. С. 368.

33 Там же. С. 360.

34 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 55.

35 Там же. С. 79.

Толстой и Лесков сходятся: распространение вредных идей имеет, согласно им, характер гипноза или эпидемии, которым сложно сопротивляться. Лесков показывает, что неразумные поступки получают вес или развитие вследствие общественного резонанса: «остроумный ответ» мужика Перовскому становится фатальным для его управляющего Шкота тогда, когда достигает Петербурга, а филантропическое начинание помещика Всеволожского проваливается не только из-за упрямства мужиков, но и потому, что на него начинают «злобствовать» «на всех подторжжях и ярмарках»³⁶. Толстой, в свою очередь, сравнивает тулонские торжества с «психопатической эпидемией малеванщины», проявившейся в некоторых деревнях Киевской губернии. Под влиянием апокалипсических настроений их жители «стали раздавать свое имущество, наряжаться, сладко есть и пить и перестали работать»³⁷, что сопровождалось особым эмоциональным настроением — чрезвычайным благодушием и сентиментальностью, переходящими в экзальтацию и беспричинные слезы. Разрушить гипноз удалось, «устранив руководителей малеванцев заключением некоторых из них в сумасшедшие дома и монастыри и ссылкой некоторых в отдаленные места»³⁸. Так и тулонско-парижские безумства (вроде поступка женщины, прыгнувшей в воду с криком «Vive la Russie!»³⁹ и утонувшей) являются формой коллективного психоза, возбуждаемого в публике ее лидерами из числа чиновников и журналистов.

Поэтому для оздоровления публики, прежде всего «господской цивилизованной России»⁴⁰, необходимо изменить общественное мнение: если хотя бы часть людей научится говорить то, что думает, или хотя бы не говорить того, чего не думает, то тогда «отпали бы все суеверия, вытекающие из патриотизма, и все злые чувства и насилия, основанные на нем»⁴¹. Здесь Толстой прямо обращается к идее неделания зла, о которой подробно высказался в том же 1893 году в статье «Неделание». Неделание, формой которого является ненасилие, предполагает отказ от неразумных и архаичных по существу поступков, основанных на борьбе и насилии. Согласно Толстому, неделание — не только нравственная стратегия поведения, но и легкая для осуществления: «остановиться в своей деятельности», «обдумать свое положение»⁴² и признать неважность или губительность своих действий проще, чем активно сопротивляться злу. Иными словами, не говорить того, чего не думаешь, проще, чем говорить то, что думаешь. Однако в «Христианстве и патриотизме» писатель предлагает обе эти стратегии поведения на выбор. На наш взгляд, здесь проявляется некоторая неопределенность его концепции, объясняющая и его разногласия с Лесковым и Меньшиковым. Вопрос о том, насколько Толстой неизменно верен принципу непротивления злу, в чем тот состоит и насколько может стать спасением от насилия (в том числе военного), был дискуссионным даже для тех, кто в 1893 году был солидарен с Толстым в оценке российской внешней и внутренней политики.

36 Лесков Н.С. Собр. соч. Т. 9. С. 362.

37 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 36.

38 Там же. С. 37.

39 Да здравствует Россия! (фр.)

40 Там же.

41 Там же. С. 79.

42 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 29. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954. С. 198.

12 сентября 1894 года, прочитав «Христианство и патриотизм», Лесков писал Толстому: «О патриотизме и христианстве я думал точно то же, но в изъяснении “безнравственности” патриотизма Вы дали мне новые определения и доказательства, которых я не мог себе выбрать и составить»⁴³. Особенно привлек автора «Загона» финальный фрагмент статьи, в котором Толстой говорит о том, что многие дурные вещи делаются человеком по инерции, не воспринимаясь как важные, но, комментирует Лесков, «если кто этого же уже не хочет делать, то это уже важно! Все забывают, что “общественное мнение” представляет собою каждый из нас»⁴⁴. Таким образом, неделание (зла) понимается Лесковым как продуманная гражданская позиция, позволяющая изменить общественное мнение в целом. Мысль об ответственности «каждого из нас» является первостепенной и в «Загоне». Высмеивая «свинные корыта суеверий», Лесков выступает здесь как защитник западных ценностей, ратуя за образование, научно-технический прогресс и критическое мышление. Поэтому Лесков не склонен преуменьшать роль в отсталости страны русского мужика, традиционно описываемого скорее как жертва зла, чем его источник. Признавая силу общественного мнения, он не перекладывает всю ответственность на его глашатаев, в отличие от Толстого, говорящего преимущественно о развращающем влиянии на народ учителей, священнослужителей и журналистов.

В то же время из «Христианства и патриотизма» следует, что в настоящее время пропаганда все чаще заглушает инстинктивное чувство правды в трудящихся людях. Если в начале статьи Толстой подчеркивает, что патриотические настроения захватывают в основном «пену народную, городскую толпу»⁴⁵ (это убеждение опять-таки заставляет вспомнить «Анну Каренину»), то далее он не раз оговаривается, что под влиянием «гипнотического воздействия правительств и правящих классов»⁴⁶ чувство патриотизма может охватить и народную массу. Как мы указывали в первом разделе, тулонский праздник был торжеством не столько мира, сколько активно развивающихся в это время рекламных и медиатехнологий, впечатляя участников броскими лозунгами, обилием сувенирной продукции и красочных церемониальных и массовых мероприятий. Поздний Толстой, не отказываясь от своей веры в народ, не мог не признать, что современные процессы урбанизации и манипулятивные приемы, используемые «могущественной властью, обладающей в наше время миллиардами денег, организованным механизмом управления, почтами, телеграфами, телефонами, дисциплинированными войсками, судами, полицией, покорным духовенством, школой, даже прессой»⁴⁷, являются мощными катализаторами перестройки сознания населения. Понимание этого обуславливает парадокс (или противоречие), который выражен в следующем пассаже раздела XIV «Христианства и патриотизма»:

43 Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. С. 316.

44 Там же. С. 317.

45 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 58.

46 Там же. С. 53.

47 Там же. С. 71.

Народы нашего времени дожили до периода разумности, не имеют враждебности друг к другу и могли бы решать свои несогласия путем мирным. Но рассуждение это справедливо только относительно народов, одних народов, если бы они не были под властью правительств. Народы же, подчиняющиеся правительствам, не могут быть разумны, потому что подчинение правительствам уже есть признак величайшего неразумия⁴⁸.

Видимо, это следует понимать так, что внутреннее развитие народа как бы наталкивается на внешнее ограничение, подавляющее присущую народу разумность. По сути, в статье явлены два представления Толстого о народе: прежнее, как о хранителе христианских ценностей, равнодушном к политическим искушениям, и новое, в свете которого народ предстает как уязвимая перед пропагандистскими ресурсами «масса». Заметим, что метафора социального гипноза в это время используется и другими публицистами: так, уже упоминавшийся выше Блюх в начале 1983 года также допускал, что современное «беспокойное состояние умов» может быть проявлением «особого рода эпидемии», начало которой «следует искать в болезненном состоянии нервной системы современного человека»⁴⁹. Толстой, очевидно, понимает, что просто апеллировать к народной мудрости теперь недостаточно; важно помочь самому народу осознать опасность одурманивающих его институтов и медиа и освободиться от «гипноза». Поэтому в последнем разделе статьи писатель акцентирует внимание на том, что коллективное прозрение станет следствием мужественного поведения сильных духом людей: если «сердце отдельных людей» не будет смущаться соблазнами, то «мгновенно вся та огромная масса слабых, всегда извне руководимых людей, мгновенно перевалит на сторону нового общественного мнения»⁵⁰. Исходя из вышесказанного, можно заключать, что под массой здесь подразумевается не только «пена народная», но и народ как жертва пропаганды. Однако он может быть восприимчив и к слову истины, особенно если обращаться не к массе, а к каждому человеку персонально. В конце статьи Толстой и взывает к совести каждого, к той духовной силе, «которая проявляется в душе человека, когда он один, сам собою обдумывает явления мира»⁵¹, чтобы на основе совокупных усилий всех и каждого скорее возобладало новое, основанное на христианстве, а не патриотизме общественное мнение.

По сути, в «Христианстве и патриотизме» присутствуют не только два образа народа, но и два представления о внутренних ресурсах личности, которые помогают бороться со злом. Это и рождает некоторую неясность: если отвлечение к насилию является естественным душевным импульсом, присущим народу «по умолчанию» (а начало статьи создает скорее такое ощущение), то в таком случае тому достаточно лишь воздержания (удаления) от зла, для чего не нужно прикладывать специальных усилий; однако если это отвлечение — осознанная и оформленная позиция, выработанная разумными индивидами путем преодоления массовых заблуждений (об этом Толстой говорит главным образом в конце работы), то это, без сомнения, уже форма «делания», доступная не всем.

48 Там же. С. 66.

49 Блюх И.С. Будущая война, ее экономические причины и последствия // Русский вестник. 1893. № 2. С. 182.

50 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 79.

51 Там же. С. 76.

Как показывают «Загон» и отзыв Лескова о «Христианстве и патриотизме», толстовское «неделание» он понимал именно как *вызов* предрассудкам, как активную личностную позицию, как форму *делания*. С учетом этого не удивительно, что ранее Лесков выражал скептическое отношение к теории непротивления злу в статьях «О рожне. Увет сынам противления» («Новое время», 1886, № 3838, 4 ноября) и «Загробный свидетель за женщин» («Исторический вестник», 1886, № 11). В последней он обращался к деятельности Н.И. Пирогова по созданию Крестовоздвиженской женской общины, сыгравшей важную роль в организации медицинской помощи раненым во время Крымской войны и немало сделавшей для разоблачения махинаций наживавшихся на войне чиновников. Напомним, что в «Загоне» забвение уроков Пирогова становится свидетельством одичания нации; в более раннем же «Загробном свидетеле» Лесков показывает, что деятельность знаменитого врача и его помощниц представляла собой энергичное противление злу. Сходным образом, в «Увете сынам противления» он настаивает на том, что непротивление не остановит войну: Толстой не может не знать, что на войне «бьют и незащищающихся»⁵². Более того, Лесков находит в творчестве Толстого «методику и логику противления»⁵³: обращаясь к притче «Крестник», он демонстрирует, что Толстой допускает деятельную борьбу со злом, когда другие средства противодействия исчерпаны.

Напротив, Меньшиков, считавшийся в 1890-е годы одним из самых преданных последователей Толстого, постоянно писал о том, что ходячее представление о непротивлении злу нельзя путать с сутью толстовского учения. Его восприятие непротивления было ближе к той точке зрения, которая выражена у Лескова не в вышеупомянутых статьях, а в отзыве на «Христианство и патриотизм». В статье «Большая воля» (1893) Меньшиков доказывал, что Толстой пропагандирует не пассивность и смирение перед лицом зла, а нравственное сопротивление ему в виде «противления любовью»⁵⁴. Энергии зла, пишет он в книге «О любви» (1897), следует противопоставить энергию добра, обезоруживающую даже разбойника, режущего ребенка⁵⁵. Пример с разбойником и ребенком (насильником и женщиной) чаще всего использовался оппонентами теории непротивления для подтверждения ее практической неприменимости (к нему апеллировал и Лесков), но Меньшиков был готов отстаивать правоту Толстого даже в таких крайних случаях. Не менее смело он транслировал идеи непротивления в социальное и внешнеполитическое русло: так, статья «Ошибки страха» (1896), в которой Меньшиков выступал против права, которое не уничтожает насилие, а плодит его, стала поводом к вынесению «Неделе» предупреждения (см.: [Жаворонков 2018]). В «Работе совести» (1899), посвященной «Неделанию», бегство от зла описано как общественно полезная деятельность, соединяющая народы, в то время как политика разъединяет их, культивируя национальную отчужденность⁵⁶.

52 Н.С. Лесков о литературе и искусстве / Вступ. ст. И.В. Столяровой; коммент. А.А. Шелаевой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 137.

53 Там же. С. 129.

54 Меньшиков М.О. Большая воля. («Палата № 6». Рассказ А.П. Чехова) // Меньшиков М.О. Критические очерки: В 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. С. 181.

55 См. Меньшиков М.О. О любви. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. С. 214.

56 См.: Меньшиков М.О. Работа совести. (По поводу статьи «Неделание» гр. Л.Н. Толстого) // Меньшиков М.О. Критические очерки. Т. 1. С. 1—50.

Таким образом, взаимная симпатия авторов «Китайской стены» и «Христианства и патриотизма» кажется даже более предсказуемой, чем солидарность Толстого с Лесковым. Между тем в начале 1900-х годов позиция Меньшикова радикально изменится. М. Горький отмечал в 1900 году, что толстовство не идет Меньшикову⁵⁷, и вскоре, после перехода в «Новое время», тот в самом деле станет непримиримым критиком толстовства. В статье «Замкнутое государство» (1902), вопреки сказанному в «Китайской стене», он заявит, что не считает «знаменитую “стену”... такой глупостью, как это принято. Отгородиться от дурных соседей, от хищников, вовсе не худо»⁵⁸. Во время Русско-японской войны он напишет статью «Лев Толстой, Менделеев, Верещагин», в которой расценит теорию непротивления злу как крайность, с которой «никогда согласиться не мог»⁵⁹. В предреволюционное время Меньшиков станет одним из основателей Всероссийского национального союза, поклонником идеи «Россия — для русских» и будет воспевать войну как школу мужества для падшего народа⁶⁰ (хотя и в его записных книжках 1890-х годов можно найти сходные рассуждения⁶¹).

Исследователи не раз пытались объяснить эту метаморфозу. А.И. Рейтблат характеризует суждения Меньшикова как «варево идеологических объедков» [Рейтблат 1999: 7], а С.М. Санькова и А.С. Орлов утверждают, что не Меньшиков отошел от Толстого, а Толстой слишком «ушел вперед в развитии своей доктрины, которая теперь Меньшикову казалась несовместимой с тем, что для него было самым важным на свете — семьей и государством как гарантом мирной семейной жизни в единении с природой» [Санькова, Орлов 2017: 102]. Мы же полагаем, что мировоззрение Меньшикова было в целом устойчивым, а его близость Толстому была возможной, в частности, вследствие внутренней сложности идеи непротивления, которая могла создать ощущение идеологической близости там, где оно было по крайней мере неполным.

На самом деле уже «Китайская стена» свидетельствовала о глубинных расхождениях в лагере противников милитаризма, чего Лесков и Толстой предпочли не замечать. По мнению Меньшикова, изоляционизм губителен для России, однако это объясняется так: «Если бы даже мы и “забыли о существовании” западных держав, то еще большой вопрос — согласятся ли и они нас забыть?»⁶² Европа готова терпеть культурное обособление и «отчуждение в формах быта и общественного устройства», но когда речь заходит о торговой обособленности, она «готова снаряжать армии и флоты и проливать целые моря крови, лишь бы провести свой товар через китайскую стену»⁶³. Поэтому торговый разрыв с Германией чреват военным конфликтом. В то время как Толстой и Лесков призывают к интеграции с Европой вследствие религиозных

57 См.: Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954. С. 135–136.

58 Меньшиков М.О. Письма к ближним. 1902. Август. СПб.: Изд. М.О. Меньшикова, 1902. С. 370.

59 Меньшиков М.О. Письма к ближним. 1904. Август. СПб.: Изд. М.О. Меньшикова, 1904. С. 424.

60 См.: Меньшиков М.О. Может ли Россия воевать // Меньшиков М.О. Письма к ближним. 1910. Февраль. СПб.: Изд. М.О. Меньшикова, 1910. С. 134.

61 См.: Меньшиков М.О. Фрагменты записных книжек // Санькова С.М., Орлов А.С. Михаил Меньшиков. СПб.: Наука, 2017. С. 238–239.

62 [Меньшиков М.О.] Китайская стена.

63 Там же.

или просветительских убеждений, Меньшиков педалирует прагматическую невыгодность разобщения с Западом, который на изоляцию ответит агрессией. В том же духе он высказывается позднее и в «Замкнутом государстве»: здесь утверждается, что торговое общение народов основано на лжи, ведь под предлогом братства народов «Европа пушками заставляет Китай покупать опиум»⁶⁴. Торговля ослабляет идеальные отношения, возможные между странами в силу культурных контактов. А поскольку европейская культура уже освоена русской нацией, последней не нужно бояться закрытия границ:

Все организмы замкнуты, и только при этом условии возможно здоровье и полнота сил. Раз в самой стране тратится все, что в ней приобретается, получается круговорот сил, жизненное равновесие, как в девственном лесу⁶⁵.

Казалось бы, здесь Меньшиков все-таки отходит от установок «Китайской стены», поскольку там говорилось о рисках обособления, а не о его нормальности. Однако противопоставление природной естественности и искусственно созданных практик общежития и управления типично для публицистики Меньшикова и 1890-х, и 1900-х годов; меняется лишь представление о том, что «натурально», а что нет. В ранних либеральных работах он подчеркивал роль нравственных ценностей в перерождении общества. Эти ценности и идеалы — совесть, взаимопомощь, стремление к опрощению, соединение народов — имеют природный характер; противоестественными же признаются коммерция и политика, насилие, борьба за существование. Преклонение перед народом, сблизившее Меньшикова с Толстым, также обуславливалось идеей органичности образа жизни народа и его нравственных привычек:

Народ, органически сложившийся на земле и правильно растущий на ней, как строевой лес, держится вовсе не борьбою за существование, а взаимопомощью, и инстинкты звериной борьбы в нем скованы инстинктами мира⁶⁶.

Между тем подобие этих установок толстовским было лишь частичным, что высветила дискуссия о «Хозяине и работнике». Меньшиков откликнулся на рассказ Толстого рецензией «Сбились с дороги» (1895), воспев терпеливого и безответного работника Никиту как воплощение идеи непротивления злу. В то время как цивилизованный человек не видит жизни без искусственных потребностей: «тарифов, нормировок, синдикатов, акцизов», заслоняющих от него «мировую Волю», Никита представляет народ, который следует христианским ценностям, впитанным «из окружающей природы», и «органически неспособен на насилие»⁶⁷. Правда, подобно коню Мухортому, Никита идет туда, куда велят, а это делает его невольным служителем зла. Меньшиков признаёт, что герой помогал Брехунову в его недобрых замыслах, но «в эти дела не входил»⁶⁸. А если бы у Никиты было больше сознательности, то он сам сде-

64 Меньшиков М.О. Письма к ближним. 1902. Август. С. 371.

65 Там же. С. 367.

66 Меньшиков М.О. Красивый цинизм. М. Горький. Рассказы, т. I, II, III, IV. Спб. 1900 // Меньшиков М.О. Критические очерки. Т. 2. СПб.: Изд. СПб. Т-ва печат. и изд. дела «Труд», 1902. С. 39.

67 Меньшиков М.О. Сбились с дороги. (По поводу рассказа «Хозяин и работник» гр. Л.Н. Толстого) // Меньшиков М.О. Критические очерки. Т. 1. С. 375, 379, 383—384.

68 Там же. С. 373.

лался бы хищником, «ведь сопротивляться и нападать — явление одно и то же, только с разных концов»⁶⁹.

Эта трактовка «Хозяина и работника» вызвала решительное возражение со стороны Толстого. В письмах Меньшикову от 26—29 августа и от 8 сентября 1895 года он утверждал, что Никита воплощает низшую степень любви, поскольку его поведение бессознательно и непосредственно, его кротость — не сформированное нравственное кредо, а дань натуре:

Вы пишете, что вмешательство разума не делает людей более любящими и добрыми, что разум не содействует добру, а что доброта зависит от практики добра и условий, в которые поставлены люди. Тут самый корень нашего разномыслия. <...> ... если бы доброта — любовь — увеличивалась только, как вы говорите, от наследственных свойств, от среды, от условий, в кот[орых] находится человек, от практики добра — тоже независимой от его воли, — то все наши рассуждения о доброте были бы совершенно бесполезны. <...> Доброта голубя не есть добродетель. <...> Добродетель и ее степени начинаются только тогда, когда начинается разумная деятельность⁷⁰.

В ответ на недоумение Меньшикова относительно того, что такое разум, Толстой уточнял: разум отличается от ума тем, что последний может быть безразлично направлен на любой объект, а разум мыслит цель жизни и способы приближения к ней, это средство религиозного познания. В то время как Меньшиков сравнивал Никиту с другим эмблематичным толстовским героем — Платоном Каратаевым, никого не судящим, никому не делающим зла и ни к какой цели ни идущим, поздний Толстой требует от человека не природной безучастности, а сознательности, «разумения», без которых тот легко превращается в объект манипуляций, в орудие низменных, в том числе и политических, целей. В природной безличности, воплощением которой был Каратаев, ему могло видеться нечто дохристианское, языческое. Толстой когда-то отдал дань и позитивизму, то есть вере в то, что сознание человека зависит от наследственности и среды, а не воли (см.: [Красносельская 2023]). Однако в «Христианстве и патриотизме» он показывает, что человек может преодолеть развращающее влияние среды, а потому и подчеркивает роль не только худших, но и лучших представителей общества, готовых к тому, чтобы плыть против течения. Именно поэтому Лесков обнаруживал у него примеры противления злу, то есть деятельного сопротивления, зло уничтожающего или хотя бы гасящего. Позитивистская же склонность Меньшикова трактовать «общественные явления на основе биологических категорий» [Рейтблат 1999: 8], его убежденность в «стихийном происхождении всех явлений», и добрых, и дурных⁷¹, релятивизировали его представления о должном и не должном. Как писал Н.В. Зверев, моральный и естественно-научный критерии оценки общественной организации вступают у Меньшикова в конфликт: принимая, скажем, логику эволюционной теории для обоснования законов развития, он в то же время по этическим соображениям мог отвергать идею борьбы за существование, бывшую «краеугольным камнем этой теории» [Зверев 2013]. На наш взгляд, естественно-научный критерий оценки явлений в статьях Меньшикова

69 Там же. С. 374—375.

70 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 68. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954. С. 160—162.

71 М.О. М[еньшиков]. Зло народное // Неделя. 1901. № 4. 28 января.

даже более стабилен, чем этический: «природное» (само по себе нравственно аморфное) в его статьях может оправдывать любую систему ценностей, то есть этика подверстывается под органику. Хотя в «Сбились с дороги» он признаёт, что, чем скорее сознание раскроется в Никите, тем скорее исчезнет зло, этот процесс понимается как торжество «здорового инстинкта», а не как работа над собой. В целом же, если в статьях в «Неделе» природными объявляются совесть, гуманность и непротивление злу, то в статьях в «Новом времени» — ранее отвергавшиеся борьба за жизнь, культурное обособление, земельная собственность и война. В статье «Толстой и власть» (1908) неприятие Толстым учреждений власти, торговли и денег будет осуждаться на том основании, что эти учреждения и практики являются «законами самой природы»⁷². Та же аргументация используется в статье «Лев Толстой, Менделеев, Верещагин» применительно к антивоенным выступлениям Толстого: пропагандируя абсолютное ненасилие, тот «связал свою природу и держит ее в плену у своей мысли»⁷³ (что, как мы видели, в самом деле соответствует представлениям Толстого о необходимости обуздания своих страхов и инстинктов). В борьбе Толстого с природой и социальными институтами Меньшиков увидит насилие, которое идет вразрез с проповедью о ненасильственном сопротивлении. Впрочем, сама по себе «культура насилия» уже не будет смущать публициста, ибо ее черты он констатирует и в государстве, и в народе, а признав ее «стихийной», он признаёт ее и неизбежной.

Итак, откликнувшись на тулонский праздник, Толстой, в отличие от многих современников, справедливо указал на то, что это тревожный для дела мира сигнал, а не шаг к устранению войн. Сама идея разделения народов по блокам и альянсам казалась ему чреватой насилием. Поэтому синхронные антиизоляционистские выступления Лескова и Меньшикова на ту же тему могли стать, на первый взгляд, благодатной почвой для становления широкого ненасильственного движения. Однако, стараясь как можно дальше развести «войну» и «мир», насилие и ненасилие, Толстой неоднозначно отвечал на вопрос о том, в каких формах следует «не противиться» злу, полагаться ли при этом на натуру или на разум. От ответа же на этот вопрос зависело и понимание того, должна ли идея ненасилия специально воспитываться в массах или же она и так укоренена в сознании отдельного человека и народа в целом и следование ей не требует больших усилий. Сходясь с Толстым в 1893 году в антимилитаризме, Лесков и Меньшиков по-разному отвечали на указанные вопросы, оказавшись скорее «противленцами», пусть и в разных отношениях: если Лесков ратовал за осмысленную борьбу каждого индивида со злом, то Меньшиков, увлекшись идеалом «стихийности», постепенно сделался сознательным служителем зла и насилия.

72 Меньшиков М.О. Письма к ближним. 1908. Август. СПб.: Изд. М.О. Меньшикова, 1908. С. 497.

73 Меньшиков М.О. Письма к ближним. 1904. Август. С. 427.

Библиография / References

- [Жворонков 2018] — *Жворонков Д.В.* Писатель и его критик: письма М.О. Меншикова Л.Н. Толстому 1890-х — начала 1900-х гг. // *Филология: научные исследования.* 2018. № 3. С. 75—89. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26881 (дата обращения: 06.12.2022).
- (*Zhavoronkov D.V. Pisatel' i ego kritik: pis'ma M.O. Men'shikova L.N. Tolstomu 1890-kh — nachala 1900-kh gg. // Filologiya: nauchnye issledovaniya.* 2018. No. 3. P. 75—89. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26881 (accessed: 06.12.2022).)
- [Зверев 2013] — *Зверев Н.В.* Общественно-политические взгляды М.О. Меншикова: 1885—1900 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013.
- (*Zverev N.V. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady M.O. Men'shikova: 1885—1900 gg.* PhD Thesis. Moscow, 2013.)
- [Красносельская 2023] — *Красносельская Ю.И.* «Общество это составляю я один»: генезис и рецепция педагогического проекта Л.Н. Толстого в свете дискуссий начала 1860-х гг. о законах общественного развития // *Институты литературы в Российской империи* / Отв. ред. А.В. Вдовин, К.Ю. Зубков. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2023. С. 349—396.
- (*Krasnosel'skaya Yu.I. "Obshchestvo eto sostavlyayu ya odin": genezis i retseptsiya pedagogicheskogo proekta L.N. Tolstogo v svete diskussiy nachala 1860-kh gg. o zakonakh obshchestvennogo razvitiya // Instituty literatury v Rossiyskoy imperii* / Ed. by A.V. Vdovin, K.Yu. Zubkov. Moscow, 2023. P. 349—396.)
- [Манфред 1975] — *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975.
- (*Manfred A.Z. Obrazovanie rusско-frantsuzskogo soyuza.* Moscow, 1975.)
- [Рейтблат 1999] — *Рейтблат А.И.* «Котел фельетонных объедков»: Случай М.О. Меншикова // *Неприкосновенный запас.* 1999. № 2. С. 4—8.
- (*Reitblat A.I. "Kotel fel'etonnnykh ob"edkov": Sluchay M.O. Men'shikova // Neprikosnovenny zapas.* 1999. No. 2. P. 4—8.)
- [Рыбаченок 2004] — *Рыбаченок И.С.* Россия и Франция: союз интересов и союз сердец, 1891—1897: Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М.: РОССПЭН, 2004.
- (*Rybachenok I.S. Rossiya i Frantsiya: soyuz interesov i soyuz serdets, 1891—1897: Russko-frantsuzskiy soyuz v diplomaticheskikh dokumentakh, fotogragiyakh, risunkakh, karikaturakh, stikhakh, tostakh i menyu.* Moscow, 2004.)
- [Рыбаченок 2018] — *Рыбаченок И.С.* Образование русско-французского союза // *История внешней политики России: В 5 т. Т. 4. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза)* / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Академический проект; Парадигма, 2018. С. 262—306.
- (*Rybachenok I.S. Obrazovanie rusско-frantsuzskogo soyuza // Istoriya vneshney politiki Rossii: In 5 vols. Vol. 4. Vtoraya polovina XIX veka (Ot Parizhskogo mira 1856 g. do rusско-frantsuzskogo soyuza)* / Ed. by A.N. Sakharov. Moscow, 2018. P. 262—306.)
- [Санькова, Орлов 2017] — *Санькова С.М., Орлов А.С.* Михаил Меншиков. СПб.: Наука, 2017.
- (*San'kova S.M., Orlov A.S. Mikhail Men'shikov.* Saint Petersburg, 2017.)
- [Хевролина 2018] — *Хевролина В.М.* Проблемы внешней политики России в общественной мысли страны // *История внешней политики России: В 5 т. Т. 4. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза)* / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Академический проект; Парадигма, 2018. С. 307—350.
- (*Khevroлина V.M. Problemy vneshney politiki Rossii v obshchestvennoy mysli strany // Istoriya vneshney politiki Rossii: In 5 vols. Vol. 4. Vtoraya polovina XIX veka (Ot Parizhskogo mira 1856 g. do rusско-frantsuzskogo soyuza)* / Ed. by A.N. Sakharov. Moscow, 2018. P. 307—350.)
- [Hobsbawm 1987] — *Hobsbawm E.J.* The Age of Empire, 1875—1914. New York: Pantheon Books, 1987.